

АЛЕКСАНДР ЕКИМЦЕВ

СТЕПЬ

К степи я не привязан цепью,
С ней разлучась, не затужу.
И все ж порвать союз со степью
Я просто сил не нахожу.
Нас что-то общее связало.
Мы что-то общее нашли.
Пять лег, как пять мальчишек
малых.
Шумят, упав на ковыли.
И все ж я не привязан цепью,
Я сам себя не побоюсь,
И вот, порвав союз со степью,
На полустанке появлюсь.
Грустя о глубине России,
О дедовском березняке,
Замечу я в косынке синей
Степь от себя невдалеке.
В косынке зорями расшитой,
Какой на свете не найти.
Она тогда уж не решится
Ко мне поближе подойти.
Как бы совсем не беспокоясь,
Не шелохнется в стороне.
И тут меня подхватит поезд,
И станет грустно-грустно мне.
И со ступенек я замечу.
Как ей у солнечной черты
Косынку синюю на плечи
Орел накинёт с высоты.

ОСЕНЬ

Ни гроз, ни шороха колосьев,
Июль остался вдалеке.
По перелескам ходит осень,
Как мать моя, в цветном
платке.
Слезу обронит под калиной,
Где, обагрив и свет, и тень,
Стрелой пронзенный
журавлиной,
Осенний остывает день.
Пока не грянули морозы,
Пока не стало холодеть,
Ей надо каждую березу
В шубейку новую одеть.
И небо заново подкрасить,
И землю нарядить, как дочь.
Знать, потому она не гасит
Огонь рябиновый всю ночь.
Под вздохи ветряных порывов
Все ходит — ей покоя нет.
Почти над кромкою обрыва
Листвой ложится к следу след.
Она любое сердце тронет.
Заглянет в каждый уголок
И где-то невзначай обронит
Цветной узорчатый платок.

А Я О ЖЕНЩИНЕ ГРУЩУ

А я о женщине грущу,
О женщине тридцатилетней,
О вечерах заречных
летних,
Пойду,
Пойду и постучусь.
Меня хлестнут тугие ветви,
Меня у двери бросит в дрожь.
На стук —
не сразу мне ответит,
В конце концов, ответит все ж.
И щедро
жарким лунным светом
Ночь озарит ее лицо.
Тут десять лет за нею следом
Из комнат выйдут на крыльцо.
И мы пройдем тенистым садом
Туда,
где ярче лунный свет.
И на скамье меж нас присядут
Все десять лет,
все десять лет.
Потом
За росными хлебами,
В мерцанье голубой звезды.
Фотографировать на память
Нас будут лунные пруды.
Когда заря деревья тронет
И солнца выпрямится свет.
То нас окружают
на перроне
Все десять лет,
все десять лет.

УЖЕ ДО СОРОКА ПОДАТЬ РУКОЙ

Уже до сорока подать рукой,
А я все не могу налюбоваться
Ни дымкой зеленеющих акаций,
Ни белозубой рощей за рекой.
Ни солнечностью утренних
полей,
Ни солнечных лучей
большой
охапкой,
Ни кленом, что бросает в небо
шапку,
Заметив с белой кручи
журавлей.
Ни женщиной, плывущей в море
ржи,
Ни звездами, ни этой лунной
пущей,
Ни девочкой, венки себе
плетущей
Из васильковой сини у межи.
Прожив до ста, изведав
непокой,
Не смог бы я вовек

налюбоваться

Ни дымкой зеленеющих акаций,
Ни белозубой рощей за рекой.

ПРИВЕТЫ

Из-за лесов, зарей согретых,
Из-за туманных южных гор
Далекой женщины приветы
Ко мне приходят до сих пор.
Они ко мне приходят в стужу,
В дожди, в метелицу и зной.
Они посыльными ей служат —
Далекой женщины одной.
Ах, как им трудно возвращаться
И ей рассказывать потом.
Что не сумели достучаться
Они опять в мой странный дом.
Мой дом! Он возле светлых
плесов
Далеких рек, плывущих льдов.
Мой дом построен на колесах
Машин, телег и поездов.
И вот теплом земли согреты.
Как вешним утром журавли,
Далекой женщины приветы
Спешат за мной на край земли.

НАС ПО РЕКЕ С ТОБОЙ НЕСЛО

Нас по реке с тобой несло
Подальше от огней глазастых.
С веслом мы путали весло,
С веслом мы путали весло,
А нас несло, несло, несло.
Нас уносил поток вихрастый.

Несло нас в царство синих верст,
Несло с полями и лесами.
Бортом мы зачерпнули звезд,
Бортом мы зачерпнули звезд.
Все крупных звезд да ярких
звезд,
А как — того не помним сами.

И эти звезды вдалеке,
Где березняк похож на замята.
Дарили мы ночной реке.
Дарили мы ночной реке.
Реке, большой лесной реке.
Дарили от себя на память.

Нас по реке с тобой несло,
И вкривь, и вкось нас заносило.
И вдруг я обронил весло,
И обронила ты весло,
И нас несло, несло, несло,
К самим себе нас уносило.

МЫ БОЛЕЕМ О ДАЛЬНИХ И
БЛИЗКИХ

Мы боеем о дальних и близких.
Павших в жарких боях на войне.
Боль остра,

 как остры обелиски,
С этой болью не справиться мне.
Это боль и березовой рощи.

И тропинки, ведущей к жнивью.
И осины, что за полночь ропщат
На нелегкую долю свою.

Это боль и оврагов, и речек,
И забытого где-то огня.

И года никогда не излечат
Ни березовых рощ, ни меня.
Ни друзей моих дальних и
близких.

Ни задумчивых ив на селе.
Боль остра,

 как остры обелиски.
На бескрайней российской
земле.